

КОНЦЕПЦИЯ ЦИКЛОВ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА ДЖ. АРРИГИ И ЕЕ ПРИЛОЖЕНИЯ¹

Евгений Всеволодович БАЛАЦКИЙ,

доктор экономических наук, профессор, директор,
Центр макроэкономических исследований Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
главный научный сотрудник,
Центральный экономико-математический институт РАН,
г. Москва, Россия,
e-mail: evbalatsky@inbox.ru

В статье рассматриваются основные элементы концепции циклов накопления капитала, созданной Джованни Арриги в 90-х гг. XX в. В частности, анализируется проблема взаимосвязи власти, силы и капитала, симбиоз которых выступает в качестве сущности капитализма. Основное внимание уделяется идее Арриги о том, что капитализм на протяжении всей своей истории стремился не иницировать, а ограничивать конкурентные процессы в целях обеспечения высокой нормы доходности капитала. Обсуждаются две стадии в формировании цикла накопления капитала – территориализм, который бывает внутренним и внешним, и капитализация, которая в свою очередь бывает национальной и космополитической. Показано, какими способами все известные мировые центры накопления капитала (МЦНК) – Генуя (Венеция), Голландия, Великобритания и США – обеспечивали себе комфортные бизнес-условия и тем самым регулировали величину нормы прибыли. Раскрываются психологические установки предпринимателей, которые позволяют осуществлять территориальную экспансию, а также механизм согласования групповых интересов дельцов и «силовики». Изучается значение технологической рациональности для конкуренции государств второго эшелона с действующим МЦНК на примере страновых пар Великобритания–Германия и США–Япония. Обсуждаются такие основополагающие понятия для циклов накопления капитала, как сигнальные и терминальные кризисы, а также локальная и системная турбулентность. Для объяснения возникновения двух фаз цикла накопления – территориализма и капитализации – используется представление о наличии у производственно-торгового и финансового секторов экономики собственных циклов развития, находящихся в противофазе друг с другом. Особо обсуждается вопрос о возможном возникновении пятого цикла накопления капитала с МЦНК в лице Китая. Показана трагичность фигуры Дональда Трампа, который, будучи выразителем национальных интересов Америки, сталкивается с противодействием национального капитала, интересы которого не совпадают с политикой президента страны. Рассмотрены четыре глобальных следствия наступления пятого цикла накопления.

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №16-02-00483).

Ключевые слова: цикл; капитал; власть; экспансия; норма прибыли; конкуренция

THE ARRIGHI'S CONCEPT OF CAPITAL ACCUMULATION CYCLES AND ITS APPLICATIONS

Evgeny V. BALATSKY,

Doct. sci. (econ.), professor, director,
Macroeconomic Research Center,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Leading Staff Scientist,
Central Economics and Mathematics Institute
of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS),
Moscow, Russia,
e-mail: evbalatsky@inbox.ru

The article discusses the main elements of the concept of capital accumulation cycles created by Giovanni Arrighi in the 90s of the XX century. In particular, the author analyzes the problem of the relationship between power, strength and capital, the symbiosis of which acts as the essence of capitalism. The main attention is paid to the idea of Arrighi that capitalism throughout its history has sought not to initiate, but to limit competitive processes in order to ensure a high return from capital. Two stages in the formation of the capital accumulation cycle are discussed: territoriality, which may be internal and external, and capitalization, which in turn happens may be national and cosmopolitan. It is shown in what ways all known world capital accumulation centers (WCAC) – Genoa (Venice), Holland, Great Britain and the USA – provided comfortable business conditions and thereby regulated the amount of profit. Reveals the psychology of entrepreneurs that allow territorial expansion and coordination mechanism of group interests of the businessmen and power possessors. The importance of technological rationality for competition of the second-tier states with the acting WCAC is studied on the example of the UK–Germany and US–Japan country pairs. The basic concepts of capital accumulation cycles, such as signal and terminal crises, as well as local and systemic turbulence, are discussed. To explain the emergence of two phases of the accumulation cycle – territoriality and capitalization – the idea of the presence of the production-trade and financial sectors of the economy own cycles of development, which are in the against phase to each other is used. Particularly discussing the possibility of the occurrence of the fifth capital accumulation cycle with WCAC in China. The tragedy of the figure of Donald Trump, who, as an expression of America's national interests, faces opposition from national capital, whose interests do not coincide with the policy of the President, is shown. Is addressing four global consequence of the onset of the fifth capital accumulation cycle.

Keywords: cycle; capital; power; expansion; return of profit; competition

JEL classifications: F21, P16, P17

Введение: рождение спроса на старую концепцию

Сегодня понятие капитала стало самоочевидным и во многом утратило свою содержательную наполненность, которая ему была присуща во времена расцвета политической экономии. Однако такое положение дел не является нормальным и служит признаком разложения и упадка самой экономической науки. И это на фоне того, что сегодня все настоятельнее проявляется потребность в возврате к феномену капитала и реанимации великих концепций, связанных с ним. Одной из таковых, без сомнения, является *концепция циклов (центров) накопления капитала* (КЦНК) Дж. Арриги (Арриги, 2006), которая сегодня позволяет не только глубже понять всю историю капитализма, но и разобраться с начавшейся и набирающей обороты во всем мире экономической турбулентностью.

Фактически сегодня человечество стоит на глобальном перепутье – старый центр накопления капитала в лице США стремительно теряет свои позиции на фоне быстрого усиления альтернативного центра в лице Китая. Есть все признаки начавшейся геополитической инверсии (ГПИ), т.е. смены старого центра капитала на новый (Балацкий, 2014). Однако многие аспекты этого процесса не только не ясны, но даже специально замалчиваются, ибо имеют острую политическую окраску. Положение дел усугубляется тем фактом, что переход лидирующих позиций к Китаю означает не просто конец господства западной цивилизации, но и ставит вопрос о доминировании Белого Человека. Тем самым намечающаяся ГПИ имеет поистине цивилизационное значение и ни в коем случае не должна игнорироваться социальными науками. Чтобы разобраться как с начавшимися, так и с грядущими тектоническими экономическими сдвигами можно воспользоваться аналитическим инструментарием, который предоставляет КЦНК Арриги.

Данная статья преследует двойную цель: с одной стороны, дать краткий дайджест по ключевым идеям КЦНК, а с другой стороны – снабдить ее примерами и комментариями применительно к нынешнему времени. Напомним, что данная концепция увидела свет в 1994 г. и нуждается в некотором переосмыслении с учетом событий последующих двух с лишним десятилетий. При этом оговоримся, что выбор обсуждаемых «зон особого интереса» в работе Арриги весьма субъективен и не претендует на полноту.

Вместо обзора

Концепция Арриги постепенно набирает популярность в России, тогда как в других странах она уже давно стала заметным событием для научной общественности. Сегодня можно встретить как простые обзоры труда Арриги (Herod, 2012), так и более обстоятельный анализ наследия «картографа капитала» (Reifer, 2009). Иногда работы Арриги сопоставляются с «родственными» трудами Роберта Бреннера и Дэвида Харви (Postone, 2007). Не редки и критические экскурсы в творчество Арриги, когда его упрекают за отсутствие в его аналитической конструкции внятной теории государства и политики, а также за игнорирование теоретических работ по глобализации и недостаточное внимание, уделяемое массам или, как их часто называют, социальным силам внизу (Robinson, 2010).

В ряде работ дискутируется вопрос о том, будет ли в ближайшие три десятилетия сформирован новый цикл накопления, как предсказывает Арриги, или же капитализм претерпит кардинальные трансформации и возникнет новая форма глобального социализма (Chase-Dunn, 2013a). В некоторых исследованиях циклы Арриги встраиваются в изучение глобальной эволюции социокультурных институтов на протяжении последних тысячелетий (Chase-Dunn et al., 2007), а в некоторых, наоборот, можно встретить удивительные приложения синтетической концепции Дж. Арриги и Ф. Броделя, например, к истории торговли кофе (Talbot, 2011). Можно обнаружить и эссе, посвященные обобщению теории циклов накопления на случай взаимодействия человечества с природой, когда понятие мира-экономики расширяется до понятия мира-экологии

(Moore, 2011). В некоторых статьях экологическая тематика перерастает в политическую, когда, например, деструктивная позиция США на международных переговорах по климату воспринимается в контексте циклов Арриги и трактуется как упадок страны, проявляющийся в ее неспособности обеспечить в будущем своих граждан рабочими местами (Roberts, 2011). Встречаются также попытки переосмысления циклов глобальной интеграции капитала в терминах общесистемной классовой и национальной борьбы, в которой элиты основных государств борются друг с другом, а наиболее успешными оказываются те, которые могут эффективно бороться с сопротивлением снизу (Chase-Dunn, 2013b).

Неожиданное приложение концепция Арриги получает в анализе терроризма, который трактуется как следствие циклов беспорядка в мировой системе, в то время как последние выступают элементом циклов накопления капитала (Lizardo, 2008). Еще более остро звучат циклы накопления в аранжировке циклов войн, которые являются следствием передела мира в период упадка старого мирового центра накопления капитала (МЦНК); многие аналитики полагают, что миру не удастся избежать фатального цикла глобальных лидеров и глобальных претендентов на фоне уменьшения глобальной власти США и ситуация 1914 г. может повториться (Tausch, 2007).

Даже самый краткий вышеприведенный обзор убедительно показывает, насколько богата нынешняя палитра дискуссий относительно концепции Джованни Арриги. Это лишний раз нас убеждает в необходимости введения в научный дискурс российской экономической науки признанного аналитического инструментария выдающегося итальянского политэконома.

Капитал и власть

Дж. Арриги возвращает нас к истокам политической экономии, напоминая о том, что сам капитализм есть сочетание *государства* и *капитала* (Арриги, 2006, с. 51). Более того, по выражению Ф. Броделя, капитализм торжествует только тогда, когда сам становится государством. Отталкиваясь от того, что государство есть форма власти, получаем основной тезис: капиталистическая система представляет собой эффективное взаимодействие *капитала* и *власти*, зачастую ведущее к их полному синтезу и отождествлению. Однако для того чтобы указанный синтез состоялся необходимо два фундаментальных условия. Первое из них можно назвать *условием М. Вебера*, состоящее в конкуренции между государствами за привлечение капитала, который в свою очередь диктует условия, на коих соглашался служить. Второе условие можно назвать *условием Дж. Арриги*, и оно состоит в наличии МЦНК, который концентрирует капиталистическую власть во всей мировой системе. Именно этот МЦНК способен встать над межгосударственной конкуренцией, взять ее под контроль и тем самым обеспечить минимальное межгосударственное сотрудничество. Именно в этом центре формируются рыночные институты и все прочие «правила игры», которые делают возможным слаженное функционирование мировой системы хозяйства.

Введение понятия МЦНК позволяет посмотреть на историю капитализма как на историю последовательной смены этих центров, в качестве которых выступали Генуя–Венеция, Голландия, Англия и США. Согласно Арриги, имела место следующая хронология: пик генуэзской модели финансового капитализма, пришедшийся примерно на 1560 гг., закономерно сменился голландским триумфом, сформировавшимся к 1740 гг., после чего эстафета в 1870 гг. была передана британской системе, а в 1970 гг. – американской (Арриги, 2009б). При этом каждый последующий МЦКП по сравнению с предыдущим обладал большей территорией и населением, более разнообразными ресурсами, а главное, более обширной сетью власти и накопления капитала (Арриги, 2006, с. 54).

Соединение власти и капитала обладает огромным значением, т.к. формирует *центры силы*, которые распределяют выгоды и издержки между участниками мировой рыночной экономики. В этом пункте анализа концепция Арриги позволяет дать

простое объяснение доминированию Запада в мировом масштабе и преодолению так называемой мальтузианской ловушки². Речь идет о том, что открытие Нового Света произошло в тот момент, когда превосходство в силе на стороне европейцев оказалось столь значительным, что позволило им установить полное господство над остальной частью мира. Именно это пресловутое превосходство в силе позволило Западу присвоить большую часть выгод от Великих географических открытий, а большую часть издержек переложить на не-Запад. Данное развитие событий позволило создать глобальный очаг ускоренного накопления капитала и выйти на траекторию экономического роста. В дальнейшем высокая прибыльность бизнеса Запада в полном согласии с концепцией А. Смита поддерживалась на протяжении длительного времени путем ограничительных практик, подкрепляемых государственной властью, ограничивающей и нарушающей «естественное» действие рыночной экономики (Арриги, 2006, с. 61).

Вместе с тем было ошибкой думать, что власть формирующихся МЦНК является односторонней. Наоборот, в полном согласии с определением Н. Макиавелли, *власть* предполагает сочетание *принуждения* и *согласия*. Принуждение означает применение силы или угрозу ее применения, а согласие – нравственное руководство. Фактор принуждения проявлялся дискретно в навязывании собственных правил игры и экономических механизмов странам, не входящим в МЦНК, тогда как фактор согласия проявлялся постоянно в форме задания более высокого уровня жизни населения в зоне МЦНК, более высокой прибыльности резидентов центра, более совершенных институтах достижения консенсуса между разными группами влияния и зачастую более высокой культурой. Таким образом, окружающий мир не только был *вынужден* следовать правилам МЦНК, но и искренне *хотел* идти за ним в стремлении достичь таких же впечатляющих экономических результатов не только для избранных, но и для масс. До сих пор этот двухфакторный механизм действует безотказно – люди всех стран взируют с завистью на уровень жизни жителей США и убеждены в том, что уже один этот факт предопределяет моральное превосходство страны по большинству вопросов, касающихся мира, войны и демократии.

Одновременно с этим капитализм как способ правления всегда базировался на *балансе сил*, с помощью которого капиталистические государства способны сокращать свои издержки в абсолютном и относительном выражении по отношению к своим конкурентам. При этом сам баланс сил был объектом манипулирования в целях его использования с выгодой для участников капиталистической системы (Арриги, 2006, с. 80). В противном случае конкуренция между странами порождала бы постоянные войны со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Образование МЦНК: территориализм и капитализация

Основу концепции Арриги составляет механизм динамики последовательной смены МЦНК, который представляет собой модифицированную схему оборота капитала К. Маркса. Согласно этой концепции, каждый МЦНК проходит две стадии – *территориализм* и *капитализм*. На стадии территориализма власть отождествляется с протяженностью и населенностью страны, а капитал воспринимается как средство достижения территориальной экспансии. На стадии собственно капитализма или капитализации ресурсов власть связывается с контролем над редкими ресурсами, а территориальные приобретения служат лишь средством накопления капитала. В этом случае известная формула Маркса $D-T-D'$ (D – деньги; T – товар) преобразуется в две формулы: $L-K-L'$ (L – территория (земля); K – капитал (деньги)), где капитал выступает в качестве абстрактной экономической власти и промежуточного звена в процессе приобретения дополнительных территорий, т.е. $L'=L+\Delta L$; $K-L-K'$, где территория вы-

² Под режимом мальтузианской ловушки можно понимать почти нулевые темпа прироста душевого дохода. Этот режим поддерживался в мировой экономике примерно 10 000 лет и был преодолен посредством развития капитализма.

ступает в качестве промежуточного звена в процессе приобретения дополнительных богатств, т.е. $K' = K + \Delta K$ (Арриги, 2006, с. 75).

Пользуясь более традиционными терминами, можно сказать, что стадия территориализма представляет собой *экстенсивное* освоение мира с акцентом на задействование эффекта масштаба, тогда как стадия капитализации предполагает *интенсивную* эксплуатацию уже имеющегося экономического пространства. В первом случае контроль над территорией и населением является целью, а контроль над мобильным капиталом – средством укрепления государства, во втором случае происходит инверсия целей и средств, когда контроль над мобильным капиталом становится целью, а контроль над территорией и населением – средством. На стадии территориализма, которую можно назвать фазой *материальной экспансии*, развивается реальный сектор экономики – промышленность, торговля, строительство и т.п.; на стадии капитализации, которую можно назвать фазой *финансовой экспансии*, начинает доминировать финансовый сектор экономики – банки, страховые и инвестиционные компании и т.п. (Арриги, 2006, с. 134). Иными словами, процесс организации пространства сменяется процессом организации капитала.

Арриги различает *внешний* и *внутренний территориализм*. Первый направлен на освоение мира за пределами МЦНК, второй – на освоение внутреннего рынка внутри границ государства-лидера. Более того, в динамике МЦНК просматривается строгое чередование внешнего и внутреннего территориализма. Например, Венеция (Генуя) была городом-государством, контролировавшим огромные морские и сухопутные торговые пути; Голландия с ее историческим названием (Республика Объединенных Провинций Нидерландов) консолидировала свои земли и на этой основе выстраивала мировую экономическую гегемонию; островная Великобритания, будучи Объединенным Королевством и тем самым пройдя внутреннее объединение, снова переходит к прямому контролю обширных пространств за пределами страны, превращаясь в империю; США в строгом соответствии со своим названием опять ориентируются на объединение внутренних территорий и формирование на этой основе гигантского внутреннего рынка с новыми конкурентными преимуществами. Схема чередования режимов территориализма приведена в табл. 1.

Таблица 1

Чередование режимов территориализма МЦНК

МЦНК	Режим территориализма	
	Внешний	Внутренний
Венеция (Генуя)		
Голландия		
Англия		
США		

Наличие закономерности в чередовании режимов территориализма не только дает более глубокое понимание образования МЦНК, но и позволяет предположить, что грядущий центр мирового капитала будет стремиться к построению новой колониальной системы. Разумеется, это лишь рабочая гипотеза, но, как увидим впоследствии, она является весьма плодотворной для предвидения глобальных преобразований.

Параллельно Арриги различает *космополитическую (имперскую)* и *национальную (корпоративную) капитализацию*. Первая характерна для экстенсивных режимов накопления (генуэзского и британского), вторая – для интенсивных (голландского и американского). Космополитические режимы отвечали за *географическую экспансию* мира-экономики, тогда как национальные режимы – за его *географическую консолидацию*. Схема чередования режимов капитализации приведена в табл. 2.

Таблица 2

Чередование режимов капитализации МЦНК

МЦНК	Режим капитализации	
	Космополитический	Национальный
Венеция (Генуя)		
Голландия		
Англия		
США		

Важным моментом концепции Арриги является понимание конечности каждой фазы формирования МЦНК – рано или поздно, но и территориализм с его материальной экспансией, и капитализация с ее финансовой экспансией заканчиваются. И никакая сила не может бесконечно продлить эти процессы, в связи с чем смена МЦНК предопределена. При этом сам капитализм, как было сказано ранее, выступает в виде реорганизации мирового порядка в двух координатах – в *пространстве мест* путем отождествления себя с конкретным государством и в *пространстве потоков* путем конструирования всемирной деловой сети капитала (Арриги, 2006, с. 132).

Управление нормой прибыли

Становление и развитие капитализма предполагает интенсивное накопление капитала и экономический рост. Однако это возможно только при высокой доходности самого капитала. Откуда же появилась эта высокая доходность?

С данным вопросом органически связан и другой до сих пор сохраняющий интригу вопрос о том, почему Новый Свет открыли европейцы, а не азиаты, равно как и о том, почему китайцы, увидевшие Америку более чем на 100 лет раньше Колумба, отказались от ее колонизации (Попов, 2012). На эти вопросы Арриги дает свой ответ, который вполне можно принять в качестве рабочей версии.

Дело в том, что на протяжении многих лет торговля между Европой и Азией носила, как известно, односторонний характер – китайские и индийские товары обменивались на европейское золото и серебро. Таким образом, торговое сальдо европейских стран с Востоком было отрицательным и вызывало напряжение на валютных рынках. На тот момент европейцы ничего не могли предложить в обмен на азиатские пряности, чай, шелк и пр. Этот структурный дисбаланс европейской торговли побуждал европейских правителей и деловые круги к поиску средств восстановления покупательной способности. Решением данной проблемы было установление прямого контроля над торговлей с Востоком и над новыми торговыми каналами с Америкой. Тем самым ожидаемый прирост выгоды европейских государств dU_E от контроля указанных торговых путей была гораздо выше ожидаемого прироста выгоды Китая или Индии dU_A . Иначе говоря, имело место следующее неравенство: $dU_E > dU_A$ (Арриги, 2006, с. 77). Большие выгоды порождали большие усилия, которые, в конечном счете, и увенчались успехом.

Предысторию и последствия завоевания торговых путей на Восток хорошо воспроизвел Т. Хейердал, подчеркивая, что до открытия Васко да Гамы индийский субконтинент характеризовался поразительной по нашим меркам свободой торговли. Например, в порт Каликут на юго-западе Индии прибывали купцы из всех городов и стран. При этом в Каликуте любое судно, откуда бы оно ни пришло и куда бы ни направлялось, могло рассчитывать на равное с другими обращение, не опасаясь каких-либо осложнений. Безопасность и законность так прочно утвердились в городе, что купцы из разных стран выгружали большие партии товаров и отправляли их на рынки и базары, не заботясь о том, чтобы проверять счета и охранять товары (Хейердал, 2016, с. 254). Однако появление в этих краях Васко да Гамы привело к перекрытию древних азиатских путей португальской блокадой всех портов на западном побере-

жье Индии. Бескомпромиссность португальского контроля ярко проявилась в случае захвата Висенте Содре, командующим флотом Васко да Гамы, в 1503 г. четырех мальдивских торговых кораблей; весь товар был конфискован, а люди собраны на одном из кораблей, накрыты сухими пальмовыми листьями и сожжены заживо (Хейердал, 2016, с. 256). С этого момента начинается эра монополии европейцев на торговлю в водах Востока. Жесткий контроль над ценами и издержками этой торговли позволил регулировать норму прибыли в сторону ее фантастического искусственного завышения. Для иллюстрации укажем, что акционеры Ост-Индской компании Англии в XVII в. получали баснословные дивиденды в 300–400% годовых, которые только через 150 лет пошли на спад (Попов, 2011).

После португальцев подвиги монополизации продемонстрировали голландцы. Так, порты Явы, перец которой стал голландской монополией, были закрыты для других иностранцев. Макаassar на Целебесе был захвачен только для того, чтобы не допустить его превращения в базу свободной торговли пряностями (Арриги, 2006, с. 214).

Сегодня уже сформулирована теорема о существовании особого сектора экономики, согласно которой экономический рост не смог бы быть запущен, если бы в европейской экономике не появились виды предпринимательства с ошеломляющей рентабельностью в сотни и тысячи процентов годовых (Балацкий & Екимова, 2016). Таким образом, управление нормой прибыли и ее искусственное завышение до заоблачных высот было необходимым условием выхода из пресловутой мальтузианской ловушки, или, как ее еще называют, ловушки бедности.

Проблема нехватки прибыльности капитала в Средневековье хорошо известна. Например, максимальная прибыльность сделок в Средние века, которая нам известна, обеспечивалась кредитами в 60% годовых (Эрс, 2014, с. 127). Это весьма скромная рентабельность по сравнению с той, которая зафиксирована в Новое время. Например, такой вид предпринимательства, как работоторговля, даже по самым скромным оценкам давал доходность в 300% годовых (Рено & Даже, 1991, с. 77); по некоторым же оценкам норма прибыли за один оборот составляла от 400% до 500%, хотя известны и экспедиции с прибылью в 1000%; совершив 3–4 успешных рейса, можно было достичь поистине фантастической доходности (Бремя белого человека..., 2011).

Нехваткой доходности капитала объясняются некоторые важные культурные явления Средневековья. К их числу относится строительство дорогостоящих соборов, церквей и крепостей (Ле Юфф, 2015). Парадокс столь дорогостоящих проектов на фоне нехватки денег в примитивной экономике объясняется банальным отсутствием альтернативных высокодоходных видов бизнеса для накопленного капитала церкви и бюргеров. Аналогичной причиной объясняется и широкое покровительство средневековых магнатов искусству. Классическим примером такого положения дел является деятельность Лоренцо Медичи, который в период 1434–1471 гг. на нужды искусства и благотворительность потратил 663 тыс. флоринов, тогда как операционный капитал его фирмы составлял не более 72 тыс. флоринов. Однако логика таких трат носила абсолютно прагматический характер: если бы он все свои деньги пустил в основной бизнес, то предложение капитала возросло бы почти в 10 раз и привело бы к катастрофическому падению нормы прибыли. Иными словами, высокая норма прибыли Дома Медичи поддерживалась отказом от ее реинвестирования и целенаправленным созданием дефицита капитала за счет его утилизации в сфере потребления искусства (Арриги, 2006, с. 156).

Похожая стратегия использовалась голландским МЦНК, когда вся экономика работала в качестве гигантского склада: закупленные чужеземные товары складировались и ожидали роста (зачастую специально спровоцированного) цен. Иногда рост спроса и цен накануне очередной войны давал баснословную доходность торговых операций (Арриги, 2006, с. 193). Накопленный же голландцами избыточный капитал от балтийской торговли утилизировался путем закупки аграрных земель и вложений в сельское

хозяйство (Арриги, 2006, с. 190). Тем самым низкорентабельные производства развивались вынужденно, только чтобы не допустить снижения прибыльности в уже освоенных привилегированных секторах экономики. Более того, стремление поддержать высокую норму прибыли позволяет понять внутреннюю бизнес-логику всех жестокостей, которые чинил белый человек в отношении аборигенов колоний (Арриги, 2006, с. 214). Можно сказать, что звериная жестокость колонистов не была им внутренне присуща, а диктовалась требованиями бизнеса; как гласит американская поговорка, «ничего личного».

Впоследствии еще один хрестоматийный пример дает «подарок» легендарного пирата Френсиса Дрейка королеве Елизавете в виде награбленных сокровищ, из которых лишь менее 10% было пущено на увеличение английских иностранных инвестиций; в противном случае это могло подорвать прибыльность внешней торговли британского МЦНК (Арриги, 2006, с. 250).

Все приведенные примеры служат иллюстрацией главного тезиса Арриги: капитализм является не следствием, а причиной высокой прибыльности капитала, достигаемой посредством управления рыночными дисбалансами. Именно активное воздействие на спрос и предложение лежит в основе поддержания нужных цен для обеспечения высокой доходности капитала. А это означает, что с самого своего зарождения и до сегодняшних дней капитализм был направлен на ликвидацию свободной конкуренции. Можно даже сказать, что рыночная конкуренция появляется в процессе эрозии капитализма на завершающей стадии жизненного цикла МЦНК, когда его контроль над основными рынками ослабеваает, позволяя появляться нежелательным новым участникам.

Сегодня экономическая наука в лице мейнстрима в качестве главного своего понятия оперирует конкуренцией, которая реализуется на рынке и ведет к установлению равновесных цен. Однако это представление о реальности полностью противоречит мировой истории капитализма. В последнее время происходят тектонические сдвиги в осознании данного факта. Уже имеются работы, показывающие, что серьезные участники рыночной экономики отказываются от конкуренции в пользу сотрудничества (Полтерович, 2016). В бизнес-кругах также уже стал популярным слоган Питера Тилья: «конкуренция – это для лузеров»; данный автор утверждает, что конкуренция – это идеология, пронизывающая социум сверху донизу и искажающая наше восприятие (Тиль & Мастерс, 2017). В реальности все выглядит иначе. Например, *Facebook* завоевал мир после того, как М. Цукерберг монополизировал колледжи США.

Похоже, что в этом пункте концепция Арриги набирает силу.

Движущие силы капитализма

Становление капитализма на микроуровне связано с определенным характером людей, которые с невероятным упорством создавали мировую деловую сеть. В основе такой напористости лежала психология первых капиталистов. Пытаясь понять ее, Арриги опирается на блестящую формулу Оливера Кокса, согласно которой «дух предпринимательства = религиозный пыл + страсть к наживе» (Сох, 1959, р. 181). Открытие новых возможностей для дальней торговли при всей рискованности подобных мероприятий, как правило, выходит за рамки горизонта планирования рациональных капиталистических предприятий. В связи с этим одной лишь страсти к наживе было бы недостаточно для великих географических открытий и походов первых конкистадоров. Помимо этого, требовался своеобразный фанатизм, который оправдывал бы сверхусилия по организации первых торговых сетей. В свою очередь этот фанатизм давал такой горизонт планирования, который мог выходить за пределы жизни конкретного человека. Тем самым жажда наживы шла рука об руку с миссионерской идеологией, оправдывавшей то, что могло дать эффект лишь в очень отдаленной перспективе.

Приведенная формула Кокса имеет большое значение для понимания не только начальной стадии капитализма, но и всех заключительных стадий существования МЦНК. Если фаза территориализма предполагает длительный горизонт планирования, миссионерский пыл и некоторую склонность к жертвенности, то в конце фазы капитализации сиюминутные интересы держателей начинают преобладать над стратегическими национальными интересами, что, в конечном счете, и приводит к крушению гегемонии государства-лидера. Фактически речь идет о том, что цикл накопления капитала предполагает своего рода постепенную эрозию самого духа предпринимательства, что закономерно ведет к смене МЦНК. При этом важно подчеркнуть, что данная эрозия происходит за счет первого компонента правой части формулы Кокса, а именно, за счет религиозного пыла; страсть к наживе, как правило, остается и может даже усиливаться, но ее хронически не хватает для сохранения полноценного предпринимательского духа.

В настоящее время эрозия важных индивидуальных порывов наиболее ярким образом проявляется в США, которые постепенно утрачивают свою миссию МЦНК. Деграция религиозности, размывание протестантского доминирования в стране, нарастание толерантности во всех сферах жизни и гегемония потребительской идеологии жестко противостоят образу мысли и мироощущения не только первых предпринимателей Америки, но и ее рафинированных представителей даже начала XX в. – Генри Форда, Эндрю Карнеги, Джона Рокфеллера, Пирпонта Моргана и др. Многие из них вели аскетический образ жизни, осуществляли гигантские благотворительные пожертвования и ощущали огромную ответственность за судьбы людей. На смену им пришло поколение с крайне коротким горизонтом планирования и отсутствием высоких мотивов в строительстве бизнеса.

Формула Кокса дает представление о внутриличностных источниках движения капитала в мировой системе. Однако не меньшее значение имеют *групповые* интересы и механизм взаимодействия ведущих сил процесса капиталообразования. С этой точки зрения ключевая роль отводится следующей циклической причинно-следственной цепочке: избыток капитала → снижение его доходности → инвестиции во власть → захват территорий → рост доходности капитала → его избыток и т.д. В данном случае речь идет о том, что накопление капитала порождает процедуру *политического обмена* (инвестиции во власть), когда капитал нуждается в военной мощи государства для завоевания и охраны новых рынков. При этом в данном процессе всегда участвуют две группы лиц – «силовики» (класс военных) и дельцы (класс буржуа). Примечательно, что стадию территориализма обеспечивает один класс (силовики), а стадию капитализации – другой (дельцы).

Исторически класс силовиков пополнялся за счет представителей правящей аристократии (военная элита), а класс дельцов – за счет наиболее удачливых представителей широких масс. В основе указанного политического обмена лежала специализация каждой группы на определенной функции – защите (силовики) и эксплуатации (буржуа) рынков. Силовики с давних пор обеспечивали неприкосновенность бизнеса, а дельцы оплачивали эту услугу, по выражению Н. Стинсгаарда, оцифровывая ее издержки, цену и качество и тем самым вводя военную силу в рамки рациональной калькуляции (Steensgaard, 1981). Этот механизм является универсальным и проявляет себя в разных ситуациях. Например, в современной России уже на начальной стадии развития рыночных отношений силовики играли определяющую роль в становлении национального бизнеса; сегодня крупный бизнес страны по-прежнему пользуется услугами силовых структур и срastaется с ними в разных формах. Арриги приводит примеры, когда ведущая роль переходила от одного класса к другому. Например, в Венеции все делалось ради государства (аппарата военной силы), а в Генуе – все для капитала. Но главное состоит в том, что нет капитализма без симбиоза военной силы и капитала. Отсюда можно вывести очень важную формулу Арриги: власть = военная

сила + капитал. В данной трактовке сила и капитал выступают в качестве формы власти. Все попытки свести власть только к одному из ее атрибутов обречены на неудачу и провоцируют мировоззренческие ошибки.

В этой связи Арриги напоминает нам и о другом цикле: производство→торговля→политика→война→ВПК→производство. Здесь важнейшим элементом развития капиталистической системы выступает военно-промышленный комплекс (ВПК), который знаменует собой апофеоз симбиоза силовиков и дельцов. Можно сказать, что ВПК представляет собой бизнес по обеспечению защиты бизнеса руками силовиков. Этот аспект является крайне важным для понимания многих современных процессов. Например, такие мощные страны, как Германия и Япония, проиграв во 2-ой Мировой войне, были лишены права на наличие собственных вооруженных сил, лишившись полноценного механизма взаимодействия дельцов и силовиков. Сегодня, по истечении почти 75 лет после войны, этот «провал рынка» начинает сказываться в полной мере: Германия не в состоянии проводить независимую политику в отношении мигрантов, лишаясь тем самым защиты рынка даже на собственной территории, а Япония ничего не может противопоставить агрессивным действиям вооруженных сил Китая, которые создают искусственные острова вокруг страны и размещают на них военные базы. Отсутствие возможности защитить свои рынки за пределами государства, а отчасти и внутри него, фактически ставит крест на дальнейшем экономическом лидерстве Германии и Японии.

Наличие рассмотренных выше внутренних качеств индивидов и механизма политического обмена силовиков и дельцов позволяет формироваться новым МЦНК, тогда как их утрата ведет к падению старых центров силы.

Финансовая и технологическая рациональность

У Арриги в самых лучших традициях политэкономии соединяются история, политология, психология и социология с помощью экономической логики событий. Так, вся динамика МЦНК определяется исторической концепцией А. Тойнби, которую можно назвать концепцией вызова. Она утверждает, что все цивилизации развиваются путем возникновения перед ними неких вызовов и реакции на эти вызовы (Тойнби, 2010). Если реакция адекватна, то цивилизация продолжает свое существование, в противном случае она погибает. Аналогичным образом развиваются все МЦНК, реагируя на глобальные вызовы современности.

Такое представление об экономической динамике позволяет Арриги увидеть новые аспекты и интерпретации различных явлений. К их числу относятся феномены *финансовой и технологической рациональности*. Если в основе первой лежит максимизация прибыли, то в основе второй – максимизация технической отдачи. В наиболее рафинированной форме финансовая рациональность была присуща британскому МЦНК, который стремился к достижению глобальной эффективности всех своих бизнес-операций, тогда как технологическая рациональность была реализована немецкими инженерами, промышленниками и банкирами, для которых технологическое усовершенствование было желательным не столько потому, что приносило доход, сколько потому, что оно лучше работало.

Столь серьезное расхождение в бизнес-установках представителей разных наций Арриги объясняет не их психологией, а спецификой самих вызовов, стоящих перед соответствующими странами. Если Великобритания должна была контролировать формирование мирового рынка и за счет этого обеспечить прибыльность своим предпринимателям, то Германия, оказавшись в стороне от этого процесса, должна была что-то противопоставить своим странам-конкурентам и за счет этого вырваться вперед хотя бы в некоторых отраслях (Арриги, 2006, с. 328). В каком-то смысле немецкая технологическая рациональность была призвана компенсировать фактор состоявшейся британской территориальной экспансии за счет более рачительного производственного

процесса, т.е. экстенсивное преимущество сглаживалось преимуществом в интенсивности эксплуатации производственных ресурсов. Иными словами, Англия реагировала на внешние вызовы путем экономической глобализации бизнеса, а Германия – путем его тотальной технологизации. Впоследствии ситуация повторилась на следующем витке цикла накопления, когда США придерживались глобального принципа финансовой рациональности, а конкурировавшая с ними Япония отвечала на это технологической рациональностью.

Между тем технологическая рациональность сама по себе может провоцировать территориальную экспансию. И здесь возникает интересная интерпретация Гражданской войны в Америке, когда технологически более развитый Север стремился реализовать эффект масштаба за счет присоединения территорий Юга, который в свою очередь был более капиталоемким за счет большего числа негров-рабов, выступавших в качестве хорошо капитализированной собственности (Пикетти, 2016). Таким образом, технологическая целесообразность выступала в качестве важнейшего источника гражданской войны в США, нацеленной на обеспечение внутренней территориализации.

Технологическая рациональность в широком смысле превращается в требование жесткого планирования производственного процесса, что исключало бы перебои в поставках сырья и реализации продукции; в противном случае риски становятся столь велики, что осуществлять нормальный производственный процесс становится невозможным. Фактически вся история капитализма – это борьба с указанной неопределенностью путем регулирования рынков. И здесь Арриги, следуя традиции Дж. Гэлбрейта, рассматривает три разновидности такого регулирования: контроль, приостановка и отмена (Арриги, 2006, с. 366). *Контроль рынка* имеет место тогда, когда независимость продавцов и покупателей ограничивается; *приостановка рынка* возникает в случае установления взаимных долгосрочных обязательств по купле-продаже товаров путем заключения соответствующих договоров; *отмена рынка* предполагает вертикальную интеграцию бизнеса, когда планирующая организация полностью завладевает либо источником поставок, либо рынком сбыта. Арриги утверждает, что все капиталистические государства постоянно борются с рынком и, следовательно, с конкуренцией, одним из трех рассмотренных способов. Так, Великобритания практиковала контроль рынка, Германия – его остановку, а США – его отмену. Хотя принципиальные различия между тремя подходами понятны, их не следует переоценивать. Фактически они различаются не столько качественно, сколько количественно. Например, если ограничения на конкуренцию носят спорадический и *локальный* характер, то можно говорить о контроле рынка; если ограничения носят *массовый*, но не доминирующий характер, то имеет место приостановка рынка; если же ограничения носят *тотальный* характер, то наступает отмена рынка.

Приведем пример из современной деловой жизни, который вскрывает алгоритм рыночных ограничений. В 2017 г. российское Интернет-издание осуществляло рекламную кампанию медицинской техники российских фирм на инвестиционном форуме в Дубае. Рекламные объявления на английском языке должны были транслироваться в страны Ближнего Востока и Африки. Однако кампания была сорвана из-за того, что глобальные американские фирмы *Google* и *Facebook* заблокировали аккаунты российского СМИ. Формальное объяснение состояло в том, что пользователь нарушил правила указанных фирм; восстановить работоспособность аккаунтов в сжатые сроки невозможно из-за того, что на все письма отвечает робот и содержательно они не рассматриваются. Однако даже когда российское СМИ доказало, что оно не нарушало никаких правил, формальный ответ от *Google* и *Facebook* состоял в том, что они отключили аккаунт СМИ в целях его безопасности – для предотвращения вирусных атак. Таким образом, выход российских производителей на мировой рынок медицинской техники оказывается затруднен по причине невозможности информирования потенциальных

партнеров о своей продукции. Глобальная монополия мирового информационного пространства компаниями *Google* и *Facebook* позволяет Америке полностью блокировать честную конкуренцию на большинстве рынков и тем самым обеспечивает им бесперебойное функционирование своих компаний. В зависимости от распространенности подобных случаев можно говорить о контроле, приостановке или отмене рынка. Причем полное доминирование США на рынках может смениться ослаблением их позиций, когда отмена рынка перейдет в его приостановку или контроль с последующим запуском нового цикла регулирования – контролем, приостановкой и отменой рынка, но уже со стороны нового МЦНК.

Сигнальные и терминальные кризисы; локальная и системная турбулентность

Помимо всего прочего Арриги тщательно проработал вопрос о смене МЦНК. Для этого им были введены определенные понятия, которые позволяют более предметно препарировать цикл накопления капитала. В частности, данный цикл у Арриги разбивается на две части – территориализм (Д–Т) и капитализация (Т–Д'). При этом момент наступления финансовой экспансии или стадии капитализации Арриги называет *сигнальным кризисом* *i*-го цикла накопления (C_i). Именно в этой точке капитал все больше переключается с торговли и производства на финансовое посредничество и спекуляции. Этот деструктивный разворот в функционировании капитала Арриги вполне правомерно характеризует как начало кризисных процессов *внутри* системного цикла накопления капитала. Аналогичным образом момент начала территориальной экспансии или стадии территориализации называется терминальным кризисом *i*-го цикла накопления (T_i), который знаменует окончательное завершение предыдущего цикла и начало нового. В данном случае речь идет о кризисных процессах *между* двумя последовательными циклами накопления, которые сопровождаются сменой МЦНК.

Введенные точки (моменты) цикла накопления позволяют определить его длительность. Причем длительность может быть определена двумя эквивалентными способами – отрезком времени между двумя терминальными кризисами или между двумя сигнальными кризисами. В идеале было бы оценивать время между терминальными точками, однако сделать это на практике затруднительно в связи с тем, что смена одного МЦНК другим происходит в период турбулентности и своеобразного «двоевластия» старого и нового центров накопления. Замеры между сигнальными точками, наоборот, более объективны, т.к. сигнальные кризисы происходят в стабильной среде и гораздо лучше поддаются идентификации. Учитывая, что длина цикла по терминальным точкам определяет период от рождения текущего цикла (или смерти предыдущего) до рождения нового (или смерти текущего), а длина цикла по сигнальным точкам определяет период от апогея развития предыдущего цикла до апогея текущего, можно говорить об их примерно равной длине.

Идентификация сигнальных кризисов, помимо всего прочего, несет в себе еще одно преимущество – оно обладает свойством упреждающей диагностики. Как только зафиксирована точка сигнального кризиса, можно ожидать через определенный промежуток времени смены МЦНК. Хронология четырех циклов накопления, построенная Арриги, выглядит следующим образом: генуэзский режим – 220 лет, голландский – 180 лет, британский – 130 лет, американский – 100 лет (Арриги, 2006, с. 284).

Приведенные цифры показывают чрезвычайно важный эволюционный эффект капиталистической системы – ускорение процесса накопления капитала и сокращение длительности соответствующих циклов накопления. Несложно видеть, что каждый последующий цикл на 20–25% короче предыдущего. Уже в этой точке анализа просматривается глобальный вывод – капитализм движется к своему концу путем сокращения цикла накопления капитала. Несложно рассчитать, что при обозначенном ускорении эволюции длина цикла в 1 год, когда бессмысленно уже говорить о самом цикле,

произойдет через 10–11 циклов. Тем самым в перспективе капитализм стремится к состоянию сингулярности, когда скорость накопления станет почти бесконечно большой и само понятие капитала и все, что с этим связано, будет не актуально. Однако, даже не прибегая к таким далеко идущим экстраполяциям, можно видеть конкретные перспективы дальнейших циклов накопления. В этом состоит одно из важнейших достоинств концепции Арриги.

В основе самого наличия двух фаз цикла накопления лежит специфика функционирования двух секторов экономики – производственно-торгового (ПС) и финансового (ФС). На стадии территориальной экспансии норма прибыли производственного сектора, как правило, выше, чем финансового, тогда как на стадии капитализации ситуация становится прямо противоположной. Тем самым каждый сектор экономики имеет свой собственный цикл развития в противофазе с другим сектором. На рис. 1 данный процесс показан схематично.

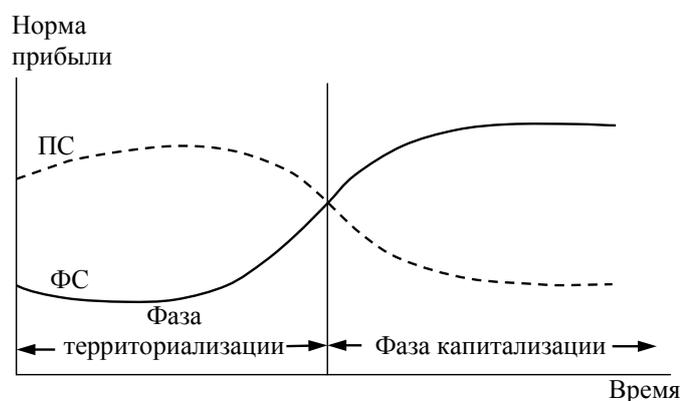

Рис. 1. Движение нормы прибыли производственного (ПС) и финансового (ФС) секторов

Чем можно объяснить феномен симметричного расположения траекторий нормы прибыли двух секторов на рис. 1?

Логика здесь простая. Развитие производственно-торгового сектора позволяет накапливать капитал и аккумулировать его в институтах финансового сектора, который до поры до времени играет вспомогательную роль. Когда же рынки товаров и услуг оказываются насыщенными, спрос потребителей удовлетворен и намечается депрессия, то оживить покупательную способность населения и реальный сектор экономики можно, как правило, только специальными мерами – кредитными инструментами банковского сектора. В этот момент финансовый сектор превращается из второстепенного в главный, начиная искусственно «разогревать» всю экономику. Такая рокировка значимости ПС и ФС ведет к аналогичной рокировке и в величине секторальной нормы прибыли.

Последней важной характеристикой цикла накопления выступает понятие турбулентности. Причем Арриги отделяет *локальную (временную) турбулентность*, которая представляет собой ограниченные по времени и амплитуде колебания доходов с капитала, от *системной (постоянной) турбулентности*, для которой характерна высокая волатильность доходов с неявной тенденцией к их падению (Арриги, 2006, с. 303). Если локальная турбулентность представляет собой естественные перебои в процессе накопления капитала и экономическом росте, то системная турбулентность ведет к глубокому кризису и перезапуску цикла накопления в рамках уже нового МЦНК. Таким образом, терминальный цикл накопления капитала может быть представлен двумя фазами – стабильным ростом и системной турбулентностью. Вторая фаза является относительно короткой, представляет собой *переходный процесс* между

сменой МЦНК и охватывает завершающий этап стадии капитализации. В этот период обостряются все конкурентные процессы и активизируется поиск нового вектора развития.

Согласно Арриги сигнальный кризис американского цикла накопления начался в 1970-х гг. и продолжается до сих пор. Сегодня уже наметился новый МЦНК в лице Китая, однако этот процесс еще не до конца завершен, в связи с чем повсеместно имеет место колоссальная турбулентность и неопределенность дальнейшего хода событий. Мировые капиталы пока не определили новую гавань, в связи с чем возникает множество хаотичных действий по ее нащупыванию. Тем самым теория Арриги становится почти осязаемой и вполне верифицируемой, что лишний раз говорит о ее плодотворности.

Феномен Трампа в контексте циклов Арриги

Сегодня все мы являемся свидетелями того, как США теряют свою мировую гегемонию – в полном соответствии с концепцией Арриги. Например, расчеты по данным Всемирного банка показывают, что в 2013 г. ВВП (по ППС) Китая был меньше, чем в США на 1,2%. Однако уже в 2014 г. произошло эпохальное событие – ВВП Китая стал больше ВВП США на 5,4%; в 2015 и 2016 гг. это преимущество составило 9,8% и 15,3% соответственно. Таким образом, в 2014 г. Китай формально обрел статус главного экономического центра мира. При этом впечатляет скорость отрыва Поднебесной от своего конкурента – примерно на 5 п.п. в год. Это означает, что уже к началу 2020 г. преимущество Китая достигнет 30%, став тотальным. Таким образом, новый МЦНК в лице Китая уже проявляет себя в полной мере, а концепция циклов накопления работает как часы.

Надо сказать, что многие аспекты формирования нового МЦНК совпадают с предыдущими переходными стадиями. Например, на стадии заката своего МЦНК генуэзцы финансировали, в том числе и кредитовали, голландцев, которые их сменили на мировом рынке, так же как потом голландцы кредитовали британцев, а британцы – американцев. Развитие Китая также связано не только с финансированием его экономики американцами путем вливания инвестиций, но и с открытием внутреннего американского рынка для китайских производителей. И так же, как почти все старые МЦНК завершали свое существование в качестве должников, и США сегодня превратились в самого крупного должника мировой системы. Однако детальное обсуждение возможного превращения Китая в новый МЦНК осуществлено Арриги в другой его работе (Арриги, 2009а), которая выходит за рамки данной статьи. Здесь хотелось бы поднять только некоторые вопросы, связанные с потерей своих позиций теперь уже старым МЦНК – Соединенными Штатами.

Дело в том, что экономика всегда была рукотворным явлением. Однако, несмотря на это, никакая сознательная деятельность не позволяла элите более ранних МЦНК продлевать жизнь своей юрисдикции в качестве гегемона мировой экономики. Сам Арриги постоянно подчеркивает, что управляемость мировой системы постоянно возрастает. В связи с этим возникает правомерный вопрос: смогут ли США приостановить естественный ход истории и продлить нынешний цикл накопления капитала, тем самым продлив жизнь своего МЦНК?

Ответ на этот вопрос предполагает рассмотрение фигуры нынешнего президента США Д. Трампа. Дело в том, что его приход к власти ознаменовал поражение финансовой элиты страны во главе с Х. Клинтон и победу «производственников». Такое стечение обстоятельств не случайно. В бизнес-среде страны возникло осознание того, что бывшая Америка на глазах исчезает и теряет свое могущество. Именно поэтому предвыборным лозунгом Трампа стал слоган о возврате великой Америки. Многие держатели капитала понимают, что предыдущая стадия финансовой капитализации страны в перспективе ведет не только к утрате Соединенными Штатами гегемонии, но и к увяданию

национального бизнеса, который постепенно будет вытеснен китайским. Иными словами, приход к власти Трампа – это сознательная попытка затормозить естественный ход циклов накопления Арриги. В связи с этим возникает сакраментальный вопрос: увенчается политика Трампа успехом или нет?

При ответе на поставленный вопрос следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Два главных экономических требования Трампа состоят в возврате производства из-за границы в США и в предотвращении проникновения эмигрантов в страну. Однако именно эти требования, которые призваны вернуть былое величие Америки, вызывают массовое возмущение со стороны местного бизнеса и противостояние президенту страны огромного класса предпринимателей. Дело в том, что возврат производства из-за рубежа означает рост производственных издержек и снижение нормы прибыли. Аналогичным образом приостановка потока эмигрантов означает дефицит дешевой рабочей силы, рост издержек и падение нормы прибыли. Вместе с тем высокая норма прибыли есть смысл капитала и главная ценность для его держателей. В этой точке возникает противоречие между *национальными интересами страны* и *интересами национального бизнеса*. История показывает, что собственные интересы держателей капитала перевешивают национальные интересы государства. На примере сегодняшней Америки мы наблюдаем эту борьбу и в ее контексте можно говорить о трагичности фигуры Трампа – он все понимает, очень хочет, но пока не может вернуть Америку в лоно МЦНК. Есть все основания предполагать, что обезличенная логика капитала возьмет свое и попытки Трампа не смогут изменить объективный ход истории.

Заключение

Рассмотренная концепция циклов накопления капитала Арриги, на наш взгляд, является одним из важнейших завоеваний экономики и социологии XX в. Она обладает необходимой простотой, структурированностью и верифицируемостью, что позволяет использовать ее в качестве готового аналитического инструмента при изучении глобальных сдвигов в мировой системе. Вместе с тем она задает совершенно нетривиальную логику экономического развития, которая отрицает линейный рост и постулирует циклическое наслаивание круговоротов капитала друг на друга. Более того, данная концепция отрицает расхожее представление о будущем многополярном мире. Как оказывается, мировому капиталу не свойственна многополярность, наоборот, он нуждается в некоей географической локализации, откуда он легко мог бы перемещаться по всей планете. Именно этот центр силы борется с избыточной конкуренцией в мире, которая как вселенская энтропия имеет тенденцию к постоянному нарастанию; именно это ограничение конкуренции и обеспечивает капиталу ту минимальную норму доходности, которая приводит в движение все мировые ресурсы и запускает маховик экономического роста. Это означает, что человечество в перспективе ожидает новый гегемон в лице, скорее всего, Китая, а не взаимодействие примерно равных по силе участников мировой системы.

Сегодня еще нет уверенности в том, что очередной, пятый (!), виток циклов Арриги состоится в классическом виде. Не исключена ситуация, когда циклы накопления капитала либо вообще «сломаются», либо претерпят столь значительные метаморфозы, что нужно будет вносить серьезные корректировки в саму концепцию МЦНК. Однако, если предположить, что циклы Арриги подтвердят свою жизнеспособность, то это будет означать: 1) возврат экономической и военной гегемонии к Восточному полушарию; 2) переход цивилизационной пальмы первенства от Западной к Восточной цивилизации с соответствующими мировоззренческими и идеологическими установками; 3) закат эпохи Белого Человека и доминирование Желтой Расы; 4) становление нового режима симбиоза капитализма и коммунизма. Все эти изменения будут поистине эпохальными и к ним надо быть готовыми.

ЛИТЕРАТУРА

Арриги, Дж. (2006). *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: Издательский дом «Территория будущего», 472 с.

Арриги, Дж. (2009а). *Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век*. М.: Институт общественного проектирования, 456 с.

Арриги, Дж. (2009б). Послесловие ко второму изданию «Долгого двадцатого века» // *Прогнозис*, 1, 34–50.

Балацкий, Е. В. (2014). Предпосылки глобальной геополитической инверсии // *Terra Economica*, 12(3), 15–28.

Балацкий, Е. В., Екимова, Н. А. (2016). Внешнеторговый фактор в ликвидации мальтузианской ловушки, с. 165–172 / В сб.: *Экономическая теория и хозяйственная практика: глобальные вызовы. Материалы международной конференции «Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы – 2016»*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет.

Бремя белого человека. История трансатлантической работорговли (2011) // *Око планеты*, 14.09.2011 (<https://oko-planet.su/history/historydiscussions/81011-bremya-belogo-cheloveka-istoriya-transatlanticheskoy-rabotorgovli.html>).

Ле Гофф, Ж. (2015). *Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии*. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 224 с.

Пикетти, Т. (2016). *Капитал в XXI веке*. М.: Ад Маргинем Пресс, 592 с.

Полтерович, В. М. (2016). Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // *Вопросы экономики*, 11, 1–19.

Попов, А. (2011). Чайно-опиумный узел // *Вокруг света*, 1 июня (<http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7434/>).

Попов, В. В. (2012). Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему Китай сегодня догоняет Запад? Новый ответ на старый вопрос // *Журнал Новой экономической ассоциации*, 3, с. 35–64.

Рено, Ф., Даже, С. (1991). *Африканские рабы в далеком и недавнем прошлом*. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 215 с.

Тиль, П., Мастерс, Б. (2017). *От нуля к единице. Как создать стартап, который изменит будущее*. М.: Альпина Паблишер, 192 с.

Тойнби, А. Дж. (2010). *Постижение истории*. М.: Айрис-пресс, 640 с.

Хейердал, Т. (2016) *Мальдивская загадка*. СПб.: Торгово-издательский дом «Амфора», 383 с.

Эрс, Ж. (2014). *Рождение капитализма в средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты*. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 320 с.

Chase-Dunn C. (2013b). Five Linked Crises in the Contemporary World-System // *American Sociological Association*, 19(2), 175–180.

Chase-Dunn, C. (2013a). Continuities and Transformations in the Evolution of World-Systems // *Globalistics and Globalization Studies*, 36–55.

Chase-Dunn, C., Niemeier, R., Alvarez, A., Inoue, H., Sheikh-Mohamed, H. and Chazan, E. (2007). Cycles of Rise and Fall, Upsweeps and Collapses: Changes in the Scale of Settlements and Politics Since the Bronze Age // *IROWS Working Paper*, #34, 79–100.

Cox, O. (1959). *Foundations of Capitalism*. New York: Philosophical Library, 500 p.

Herod, J. (2012). Review of Arrighi: The Long 20th Century // *Anarcho-Syndicalist Review*, 58 (<https://theanarchistlibrary.org/library/review-of-arrighi-the-long-20th-century.html>).

Lizardo, O. (2008). Defining and Theorizing Terrorism: a Global Actor-Centered Approach // *Journal of World-Systems Research*, XIV(2), 91–118.

Moore, J. W. (2011). Ecology, Capital, and the Nature of Our Times: Accumulation & Crisis in the Capitalist World-Ecology // *American Sociological Association*, XVII(1), 107–146.

Postone, M. (2007). Theorizing the Contemporary World: Robert Brenner, Giovanni Arrighi, David Harvey / In: R. Albritton, B. Jessop and R. Westra (eds.) // *Political Economy and Global Capitalism. The 21st Century, Present and Future*. Anthem Press, 259 p.

Reifer, T. (2009). Capital's Cartographer: Giovanni Arrighi: 1937–2009 // *New Left Review*, 60 (<https://newleftreview.org/II/60/tom-reifer-capital-s-cartographer>).

Roberts, J. T. (2011). Multipolarity and the new world (dis)order: US hegemonic decline and the fragmentation of the global climate regime // *Global Environmental Change*, 21, 776–784.

Robinson, W. I. (2010). Giovanni Arrighi: Systemic Cycles of Accumulation, Hegemonic Transitions and the Rise of China // *New Political Economy*, 05 November (iFirst), pp. 1–14.

Steensgaard, N. (1981). Violence and the Rise of Capitalism: Frederic C. Lane's Theory of Protection and Tribute // *Review*, 5(2), 247–273.

Talbot, J. M. (2011). The Coffee Commodity Chain in the World-Economy: Arrighi's Systemic Cycles and Braudel's Layers of Analysis // *American Sociological Association*, XVII(1), 58–88.

Tausch, A. (2007). War Cycles // *Social Evolution & History*, 6(2), 39–74.

REFERENCES

Arrighi, G. (2007). *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-first Century*. London; New York: Verso, 418 p.

Arrighi, G. (2009). Afterword to the second edition of «The Long twentieth century». *Prognosis*, 1, 34–50. (In Russian.)

Arrighi, G. (2010). *The Long Twentieth Century. Money, Power, and the Origins of Our Times*. Verso, London, New York, 416 p. Rus. Ed.: Arrighi, G. (2006). *The Long Twentieth Century. Money, Power, and the Origins of Our Times*. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 472 p.

Balatsky, E. V. (2014). Presuppositions of Global Geopolitical Inversion. *Terra Economicus*, 12(3), 15–28. (In Russian.)

Balatsky, E. V. and Ekimova, N. A. (2016). Trade Factor in Elimination of the Malthusian Trap, pp. 165–172 / In: *Economic Theory and Economic Practice: Global Challenges. Proceedings of the International Conference «Evolution of the international trading system: problems and prospects – 2016»*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian.)

Chase-Dunn, C. (2013a). Continuities and Transformations in the Evolution of World-Systems. *Globalistics and Globalization Studies*, 36–55.

Chase-Dunn, C. (2013b). Five Linked Crises in the Contemporary World-System. *American Sociological Association*, 19(2), 175–180.

Chase-Dunn, C., Niemeyer, R., Alvarez, A., Inoue, H., Sheikh-Mohamed, H. and Chazan, E. (2007). Cycles of Rise and Fall, Upsweeps and Collapses: Changes in the Scale of Settlements and Polities Since the Bronze Age. *IROWS Working Paper*, #34, 79–100.

Cox, O. (1959). *Foundations of Capitalism*. New York: Philosophical Library, 500 p.

Heers, J. (2012). *La naissance du capitalisme au Moyen Âge. Changeurs, usuriers et grand financiers*. Paris: Perrin, 320 p.

Herod, J. (2012). Review of Arrighi: The Long 20th Century. *Anarcho-Syndicalist Review*, #58 (<https://theanarchistlibrary.org/library/review-of-arrighi-the-long-20th-century.html>).

Heyerdahl, T. (2016). *Maldivian Riddle*. Saint Petersburg: Trading and Publishing House «Amphora», 383 p. (In Russian.)

Le Goff, J. (2012). *Money and the Middle Ages: An Essay in Historical Anthropology*. Cambridge: Polity Press, 178 pp.

Lizardo, O. (2008). Defining and Theorizing Terrorism: a Global Actor-Centered Approach. *Journal of World-Systems Research*, XIV(2), 91–118.

- Moore, J. W. (2011). Ecology, Capital, and the Nature of Our Times: Accumulation & Crisis in the Capitalist World-Ecology. *American Sociological Association*, XVII(1), 107–146.
- Piketty, T. (2014). *Capital in the Twenty-first Century*. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, 452 p.
- Polterovich, V. M. (2016). Positive collaboration: Factors and mechanisms of evolution. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 1–19. (In Russian.)
- Popov, A. (2011). Tea-opium knot. *Around the World*, June 01 (<http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7434/>). (In Russian.)
- Popov, V. V. (2012). Why the West got Rich before Other Countries and Why China is Catching Up With the West Today? New Answer to the Old Question. *Journal of the New Economic Association*, 3, 35–64. (In Russian.)
- Postone, M. (2007). Theorizing the Contemporary World: Robert Brenner, Giovanni Arrighi, David Harvey / In: R. Albritton, B. Jessop and R. Westra (eds.). *Political Economy and Global Capitalism. The 21st Century, Present and Future*. Anthem Press, 259 p.
- Reifer, T. (2009). Capital's Cartographer: Giovanni Arrighi: 1937–2009. *New Left Review*, 60 (<https://newleftreview.org/II/60/tom-reifer-capital-s-cartographer>).
- Renault, F. and Daget, S. (1985). *Les Traites Negrieres en Africue*. Paris: Edition Karthala, 215 p.
- Roberts, J. T. (2011). Multipolarity and the new world (dis)order: US hegemonic decline and the fragmentation of the global climate regime. *Global Environmental Change*, 21, 776–784.
- Robinson, W. I. (2010). Giovanni Arrighi: Systemic Cycles of Accumulation, Hegemonic Transitions, and the Rise of China. *New Political Economy*, November 5 (iFirst), pp. 1–14.
- Steensgaard, N. (1981). Violence and the Rise of Capitalism: Frederic C. Lane's Theory of Protection and Tribute. *Review*, 5(2), 247–273.
- Talbot, J. M. (2011). The Coffee Commodity Chain in the World-Economy: Arrighi's Systemic Cycles and Braudel's Layers of Analysis. *American Sociological Association*, XVII(1), 58–88.
- Tausch, A. (2007). War Cycles. *Social Evolution & History*, 6(2), 39–74.
- The White Man's Burden. The History of the Transatlantic Slave Trade (2011). *Eye of Planets*, September 14 (<https://oko-planet.su/history/historydiscussions/81011-bremya-belogo-cheloveka-istoriya-transatlanticheskoy-rabotorgovli.html>). (In Russian.)
- Thiel, P. and Masters, B. (2014). *Zero to One: Notes on Startups, or How to Build the Future*. Crown Business, 210 p.
- Toynbee, A. J. (1947). *A Study of History*. Oxford University Press, 617 p.